

ПИЖАМНАЯ ВЕЧЕРИНКА

МАРГАРИТА РОННИНА
Писатель, совладелица
и директор по развитию
брендингового агентства AIR,
Екатеринбург.
Участник Уральской писа-
тельской школы, всерос-
сийского Форума молодых

писателей «Липни» (2021).
Участник литературного
клуба «НЛНВМ» под руно-
водством Ольги Брейнинггер
(2020–2022). Участник
«АСПИ. Новое поколение»
(2022). Участник «Таври-
да-Арт» (2022).

Посвящается И. А.

- Две взрослые и одну детскую.
 - Рост ребенка? – деловито спросила продавщица. При всем скучающем виде она сохраняла бодрый голос и интерес к другим людям.
 - Сто тридцать.
- Женщина за прилавком начала перебирать шуршащие пакеты, тыкая длинным ногтем по окошку, откуда выглядывал маленький пижамный прямоугольник. Зачем оно там, задумалась Катя. Зачем это окошко? Весь пакет и так прозрачный. Тонко, мелко помятый, изломанный, будто лед. Треснувший лед.
- Сейчас посмотрим, – пробормотала продавщица, – что у меня тут осталось.
- Яркие красновато-фиолетовые губы, широкие поры на носу, видимая седина на густых, хорошо подстриженных волосах, большая грудь под хлопчатобумажной водолазкой, широкие бедра. Она выглядела хорошо, полнотело, приятно.
- Это не то, не то. А! Вот, сто тридцать. На девочек. А у вас? Мальчик?! Есть с машинками.
 - Нет.
 - Тогда посмотрите эту...
 - Не белую.

Костя оглядывался. Все вокруг подходило другу другу. Продавщица органично вливалась в пространство магазина, гармонировала с окружающей обста-

новкой прозрачно-аквариумных, каких-то рыбных прилавков, к которым людям надо было наклоняться и рассматривать товары с написанными от руки – руки этой женщины – ценниками. Продавщица впитала в себя умение правильно опираться на стойку, почти бесшумно открывать и закрывать кассу, бойко лавировать между полками в поисках того самого нужного размера. Она отдавалась тому, что умела делать лучше всего. Это было видно. Костя на секунду позавидовал ее простой жизненной энергии.

- Лего...
 - Нет.
 - Вот с каким-то принтом, не могу прочесть...
 - Одноцветную!
 - ...Ма-йн-крафт.
 - Да нет же! Дайте лучше я сама поищу, – не выдержала Катя. Она не помнила о чувствах других людей. Женщина была слишком бодрая, громогласная, слишком выпирающая. Катю это раздражало.
- Продавщица поджала губы и подвинула к ней горку пакетов. Катя отвернулась и долго перебирала пижамы. Костя смотрел на родную, сгорбленную спину, низкий растрепанный хвост, напряжение, таившееся под Катиними плечами. Под свободной, наспех накинутой одеждой – а больше уже ничего не налезло – он угадал выпирающий живот и почувствовал нежность. А потом горечь. Тронул Катю за локоть, хотел спросить, как она, как они, но не успел.

– Возьмем взрослые, и эту детскую.
 – Хотите совет?
 – Нет. Я хочу пижаму.
 Катя уже начинала заводиться. Но женщина не останавливалась.
 – Покупайте размер побольше.
 – Эту.
 – Она будет впрытык...
 – Эту.
 – А что так? Эта на вырост немного, чтобы не на год, а на два хватило. Вот. В цене чуть-чуть повыше, но стоит того...
 – Не важно, – сощурился Костя, взглядываясь в Катю. Что-то в ней настораживало. Он почему-то, наоборот, совсем не мог разозлиться. Эмоции покинули его. – Берем эту.
 – Как не важно? – вскипела настойчивая продавщица. – Я как рассуждаю? Вы вещь покупаете хорошую? Хорошую. Недешевую? Недешевую. Хотите, чтобы хватило надолго. Вот моя задача помочь, подсказать.
 – Мне насрать. Понравилась эта. Я бы хоть каждый месяц, хоть каждый день их брала, – треснул Катин голос. Она оперлась на прилавок и тяжело задышала.
 – Хозяин – барин. Раз деньги есть, – обиделась продавщица, опустив взгляд к ее животу. – Я как лучше хотела. Вы же не первая. Я уже на этих пижамах собаку...
 Катя отвернулась. Костя остановил закипевшую, желающую причинить добро женщину и быстро сунул ей в руку зеленые пижамы – две взрослые, одну детскую.
 – Оплата картой.
 Они вышли и сели в машину. Поехали – недалеко. Катя тяжело дышала, слишком сильно прижимая пакет с пижамами к себе.
 Он мог бы сказать: «Ну что ты уж», но это было глупо.
 «Она хотела как лучше».
 Тоже.
 Или: «Да, ему всегда будет восемь. Но никто не читает мысли».
 – Кроме нас, – ответила вслух Катя и замолчала. Они уже заходили в палату.
 За эти месяцы они научились понимать друг друга по глазам. Вокруг них, родителей давно поселившегося в больнице мальчика – Жени, Женечки, Женчика, – сформировалось общее поле. Катя и Костя страдали – и договорились страдать только внутри этого поля. Они обсуждали то, что нельзя вслух говорить сыну, – хотя он знал, все он знал. Они дели-

ли на двоих переживания, непосильные для одного человека. Но как разделить.
 – Ну что, пижамная вечеринка? – Катя старалась контролировать тон: сын не любил, когда с ним разговаривали фальшивым, нарочито бодрым голосом. «Не говори со мной, как с больным», – бегился он. Не показывал, что боится. Ему же было восемь. Не неугомонные три, не наивные пять. Крутые мальчишеские восемь.
 «Ему всегда будет восемь».
 – Ура, всегда хотел! А еще будем жрать, жрать, жрать, – ответил Женя.
 Раньше он бы уже возбужденно танцевал вокруг родителей. Юлил, подпрыгивал, заглядывал в телефон. Сейчас он лишь сделал движение слабеющими руками, будто хочет подняться. Костя подскочил, подтянул подушку повыше, взбил ее так, чтобы Женчик сел, опираясь на спинку кровати. За последние недели мальчик на их глазах высох, тонкие ручки и ножки повисли, они еле крепились к небольшому костлявому прямоугольнику торса. Не мальчик, а деревянная игрушка.
 – Что жрать будем? Пиццу?
 Катя поморщилась от этого «жрать» и, забывшись, выпалила:
 – Пиццу? Не вредно ли?
 – Эт мне точно можно. Мам, пап, не пугайтесь, я умираю, – ухмыльнулся хитрый человек. – Пользуюсь случаем съесть все самое вредное.
 Катя не смогла сдержать улыбки. Костя обернулся к ней, к сыну и тоже улыбнулся в ответ. Чисто, искренне, забыв обо всем. Они все, естественно, знали. Теоретически. А пару часов назад лечащий врач позвонил, вызвал. Предупредил, что осталось всего несколько часов или, если повезет, сутки. Предложил ночевать в больнице. Не разлучаться ни на секунду. Ни в коем случае не плакать. Не тратить драгоценное время на споры или нравоучения. Забыть про себя.
 – Пиццу, конечно, закажем и сожрем, – сказал Костя.
 – И колу, пап, – осмелел Женя.
 – И колу, – согласился Костя.
 – А то посмотрите, совсем исхудал, – насмешливо высоким, «бабушкиным» голосом продолжил Женя.
 Он рисовался. На деле Женя давно потерял интерес к пище. Он помнил, но уже не ждал удовольствий от молочных коктейлей, чипсов, колы и всего фаст-фуда, который раньше – вероятно, в другой, не его жизни – раз в месяц выпрашивал у родителей. Он уже не хотел ошутить какой-то конкретный вкус, а если

думал, что хотел, то ему хватало двух-трех ложек, вилок, нескольких укусов. В пять или в шесть лет еда сама по себе была радостью. Он был счастлив, когда просто ел. А теперь.

Рисуется, знает, нервно подумал Костя. Он начал разгружать сумки, медленно раскладывая вещи. Потом все оставил, открыл приложение доставки еды, тыкал, тыкал, никак не мог найти нужный раздел. Что же такое.

«Дура, глупость сморозила», – подняла на него взгляд Катя.

«Забудь, все в порядке».

«Я размазня».

Катя села в кресло, ухватившись за низ живота. Она уже не могла терпеть. Да, подумалось ей, никто не должен был знать, что говорить и делать в таких случаях. Когда кто-то умирал, то где-то там кто-то тоже рождался. Это факт. Кто-то. Где-то там. А не в одной семье. Не одновременно.

«Ему всегда будет восемь».

Она всхлипнула. Как же сложно открыть рот и сказать.

«Что с тобой?» – спросили Костины глаза.

– Я рожаю, – вслух сказала она.

– Схватки?

– Уже часа два.

Костя вспомнил, как она сжималась от боли. Значит, терпела, терпела все это время. Ну что за женщина, хотелось крикнуть. Что за глупость! Но потом он очнулся, вспомнил их обстоятельства. Откинул то, что держал в руках – злосчастные пижамы. Сбежал за врачом.

– Нужно в роддом, – прогремел Дмитрий Григорьевич, шагая в палату.

– Нет, – прохрипела Катя.

– Нужно, Катя, – нетерпеливо сказал Костя.

– Нет, я не оставлю Женю. – Она взывала от новой схватки.

– Можно рожать здесь?

– Нет, – твердо оборвал Костю доктор.

Дмитрий Григорьевич был слишком небольшим и каким-то плюшевым на вид, чтобы иметь такой внушительный, громкий голос. Закрытый, но с чувством юмора, неуловимый, но внимательный – он, казалось, каждый день пытался найти свой способ жить среди маленьких умирающих пациентов.

– Нас за это по головке не то что не погладят, а эту головку прямо оторвут.

Никто не улыбнулся.

– Можно забрать Жен...

– Еще чего!

Это было глупо, Катя понимала.

61

– Папа понесет меня на руках, – со слабой надеждой в голосе предложил мальчик.

– Нет, – сказал доктор. – Не обсуждается.

– Вы не сможете мне отказать. Это я тут умираю.

Женчик закашлялся, непонятно, чтобы разжалобить Дмитрия Григорьевича, или он действительно ощутил нехватку воздуха, желание вытолкнуть из себя то, что убивало его изнутри.

– Могу, не зарывайтесь, молодой человек, – приструнил врач, но голос его дрогнул.

– Мама и папа чувствуют вину, что я умираю, а там, в животе, живет новая малышка. Будто замену мне нашли.

«Прижать и не отпускать», – уловил Костя через глаза Кати.

– А ты разве против сестренки? – спросил Дмитрий Григорьевич и против своей воли быстро-быстро заморгал.

– Нет. Но они будут думать, что да. Им будет тяжело жить, когда я уйду.

– И что делать? – Доктор внимательно смотрел на мальчика, как будто ждал совет от взрослого и опытного коллеги.

– Не умирать, пока мама рожает. Быть рядом.

Катя охнула от боли. Костя вдруг понял, что этот фарс не может быть реальностью. Надо же, какой глупый сон. Сон. Такой глупый. Врач посмотрел на Женю, потом на Костю. Он впервые заметил, как они похожи.

– Мне нужно в туалет, – шепнул Костя и мгновенно выскочил за дверь.

– Папе надо поплакать, – объяснил мальчик.

Катя согнулась пополам. Доктор вздохнул и, казалось, сам готов был выскочить в туалет. Это было странно. Сколько раз он говорил с родителями заболевших, родителями долго болеющих, родителями умирающих детей. Сколько раз он приходил домой, к своей семье, а пока ужинал, слушал любимую жену, читал дочке книгу перед сном, не мог избавиться от черного страха за очередного, спящего там, на больничной койке, ребенка. Чаще он, конечно, просто делал свою работу и выключался. Пытался как-то жить. Но сегодня было что-то еще. У него тоже был восьмилетний сын. Но его сыну исполнилось девять.

– Скажу прямо, если встанешь с кровати, то скоро тебе станет совсем плохо. Ты умрешь почти сразу, – прочистил горло и собрался Дмитрий Григорьевич.

Женя кивнул и печально похлопал по одеялу, покрывающему ноги.

– Значит, я буду тут.

– Я что-нибудь придумаю.

- Уж придумайте, дядь Дим, – подколол мальчик. Храбрился. Но силы покидали его.
- Подождите, – остановил доктора вернувшийся Костя. – Я могу лечь рядом с Женей, включить зоом. Катя, мы будем видеть тебя, а ты нас. Приедешь, как только выпустят из роддома. Пойдет? Все посмотрели на Катю. Она не отрывала глаз от Женечки.
- Мам, ну давай, а то из тебя сейчас ребенок вывалится прямо на пол, – поторопил тот.
«Ему всегда будет восемь».
- Ладно, – прохрипела она.
- Ну и договорились, – кивнул Дмитрий Григорьевич. «Прощайтесь», – хотел сказать он, но не смог. Не смог.

Катя ехала, не выпуская телефон из рук. Главное, Женечка был рядом, главное, она сама была рядом, пусть и в рамке, очерченной небольшим экраном. Да, не то, не то! Но физическая боль спасала ее. Откидывала пока все, что не касалось растягивания мышц и правильного дыхания. Счастье и горе одновременно вырывались изнутри, прокладывали себе путь. И Катя уже ничего не могла с этим сделать.

Костя остался. Приладил свой телефон на подставку, чтобы Катя не упускала ни одного движения маленького худенького тела. Обнимал их сына за двоих. Дал Женчику заказать все, что он хотел. Грудь кололо. Как же отвлечься. Как же. Он немного завидовал Кате – скоро ее разорвет пополам, растянет на частицы. Боль размозжит сознание, разрушит реальность. Но потом из нее появится малышка, и возможно, пусть на какое-то время – лишь бы успеть сделать один-единственный вдох – схлынет отчаяние. Возможно, им станет чуть легче. Нет.

Катю привезли, определили в палату. Пока она переодевалась и с помощью медсестры устранивала поудобнее телефон, любимые мальчики – Костя и Женя – читали ей вслух сказки. «Не сказки, мам, – раньше возмущенно упрекал ее Женя. – А комиксы!» Катя улыбнулась себе той, несмышленой, не умеющей эти важные мелочи помнить, не умеющей эти важные слова подбирать. Ведь как это скоротечно, несвязно подумала она, как, как... Схватки учащались.

- Ну мама и кричит. Надеюсь, я так кричать не буду, – прошептал Женя папе на ухо.

«Зато я буду», – хотел сказать Костя, но Кати рядом не было, и мысль растворилась в воздухе.

На Женин мобильник позвонил курьер. Тот минуту слушал, нажал отбой и проговорил:

- Пап.
- Я спущусь.

- Нет, он говорит, что опаздывает. Что-то про экстренный случай, – слабо махнул рукой Женчик. – Есть время проголодаться.

Он не хотел есть. Но хотел сделать вид для папы, Костя понял это.

Он продолжил читать на камеру. В палату принесли и сразу же унесли больничную еду. Заглянул волонтер – клоун с шариками, и Женя великодушно посмотрел несколько фокусов. Не отказался от игрушки, просто отложил ее, не распакованную, в сторону, разрешил оставить связку воздушных шариков, крепящихся к цветастой коробке на полу.

Катя сильно закричала, и Костя уменьшил звук.

- Скоро уже? – спросил Женчик.

– Видимо, да. Второй раз, говорят, быстрее, – машинально ответил Костя.

- Маме было также больно со мной?

– Это быстро забывается, остается только любовь... – осторожно сказал Костя, а потом вдруг понял, что больше может не осторожничать, говорить то, что хочет. Но сам испугался этого открытия, в ужас замотал головой. – Что-то пицца нашу не несут.

Ее не несли еще больше получаса. Костя уже обо всем забыл, увлеченно заканчивал читать вслух книгу комиксов про мальчика-сыщика и его собаку, как вдруг Женя посмотрел уведомление на своем телефоне и воскликнул:

- Пицца ждет внизу.
- Сейчас.

Костя спустился вниз и быстро подошел к желтому пятну, оказавшемуся невысоким парнем.

- Извините за опоздание, меня чуть машина не сбила, заказов много, велосипед чуть не угнали, – затараторил курьер. Он засуетился, начал снимать короб, перчатки, чтобы достать терминал. И говорил-говорил. Извинялся-извинялся.

Костя еле улыбнулся. Ему стало забавно. Он-то шел и не хотел тратить энергию даже на приветствие, а тут ему навязали целую речь. И из-за чего.

- Бывает, – сказал он, протягивая карту.
- А еще, извините, что спрашиваю, – забежал глазами курьер, – вы можете отказаться от бесплатного десерта? Ну, за опоздание, вам полагается... Он вычитается из моей зарплаты, а если я побегу доставлять, то не успею на последний автобус. Откажитесь, если вам не сложно.

- Да, – устало ответил Костя. Ему внезапно захотелось обнять чужого чернявого парня, почти мальчика. Сказать, что нет ничего страшного в том, чтобы один раз переночевать в хостеле или где там еще можно, на вокзале.

- На учебу утром, – добавил курьер.
- Что нет ничего страшного в том, чтобы прогулять учебу. Что вообще мало страшного в жизни. В жизни.
- Я откажусь, – повторил Костя, потер свободной рукой глаза и понял, как сильно постарел за эти часы.
- Спасибо! У вас тут ребенок? – беспечно спросил курьер, оглядывая стены, будто на них был написан ответ на вопрос.
- Сын.
- А, ну, скоро выйдете, выздоравливайте, – ободряюще бросил парень, застегивая лямки огромного короба на груди. – Приятного аппетита!
- А ведь такие, как он, молодые курьеры, живут в мире, где дети не умирают, просто не могут умереть, никто не может умереть и все будут жить вечно, главное, на последний автобус успеть, пришло в голову Косте. Они, молодые курьеры, а на деле все на свете, думают только об оценках в приложении, чаевых и лишь бы ничего из зарплаты не вычли, иначе нечем будет заплатить за квартиру, учебу, нечем будет заплатить за еду, пиво и интернет, нечем будет заплатить за компьютерную игру, кофе малознакомой девушки или аренду электросамоката. Нечем, нечем. Нечем.
- Костя вздрогнул, вышел из оцепенения и широкими шагами побежал наверх.
- Ничего не изменилось. Увидев долгожданные в прямом смысле вкусняшки, Женчик испустил тихий радостный вопль, подтянул к себе первую коробку, открыл и стал выбирать по куску себе, папе и заглянувшему на шум Дмитрию Григорьевичу. Тот против правил взял угощение на картонке, внимательно посмотрел на Женю, а потом перевел взгляд на Костю. Хотел что-то сказать. Потом о чем-то посмеялся с Женей, Костя так и не понял о чем. И ушел.
- «Заветренную принес, собака, – беззлобно думал Костя, оглядывая свой треугольник пиццы. – Холодную, засохшую, ну что за дела».
- Пап, давай уже есть. А, колу из пакета не достали. Угу. Спасибо.
- «То есть вот оно как, да. – Костя смотрел, как сын аккуратно откусывает холодное месиво из соуса, томатов, колбасы и сыра на тонком тесте, и ему вдруг стало горько. – Даже пиццу нормальную принести не смогли. Я не смог».
- Прия... тного... аппе... тита... – с длинными интервалами выговорила Катя. Схватки не давали ей ни секунды перерыва. Вот-вот должно было случиться. Она чувствовала.
- Пап, возьми меня на руки, – попросил Женя.

Костя сгрудил пиццу в коробку, подлез под сына, сел на его место, сверху на себя положил ничего не весящего ребенка. Одной рукой обнял худенькое тельце, другой взял телефон, из которого доносились страшные звуки. Катя положила свой аппарат на столик, и они успели детально рассмотреть потолок в родовой.

- Крик. Другой, детский.
- Моя. Сестренка, – еле слышно вздохнул Женя и закрыл глаза. Костя тоже.
- Телефон! Дайте телефон! – раздался резкий близкий голос. Катя появилась на экране. Измученная, бледная, самая красивая.
- Женчик наш поел пиццу, спит, – успокоил ее Костя.
- Хорошая, сказали, девочка, – выдохнула Катя. Она чувствовала и облегчение, что скоро можно будет вернуться к Жене, и какую-то зудящую пустоту. Не могла понять какую.
- Ей на грудь положили младенца. Она подняла телефон повыше и показала Косте щеку, спину, пальчики малышки.
- Какая маленькая.
- На тебя похожа. Что-то Женечка неудобно лежит, – заметила Катя.
- Да спит, спит, такой теплый, – соврал Костя. В доказательство он еще сильнее обнял сына.
- Только не отключайся, – попросила Катя. Там, рядом с ней, кто-то ходил, что-то говорил, но никто из них не отвлекался, не слушал.
- Не отключусь. Я с тобой.

Они замолчали. Не отводили друг от друга глаза. Тишина убаюкивала. Их собственная условная тишина, пустота внутри общего поля то расширялась, то сужалась – пульсировала. Наполнялась. Росла, росла.

Росла.

Катя вздрогнула и завела колыбельную, которую они часто пели в детстве Женчику; Костя помнил. Он ничего и не думал забывать. Он жаждал боли, настоящей физической боли; он хотел, чтобы стало чуть легче, ну пожалуйста, хоть на пару секунд; он рухнул в ожидание удушающей горечи и свернулся там бесцветным, безмолвным эмбрионом.

Взгляд упал на лежащие на кресле, так и не распакованные пижамы. Зеленые. Две взрослые. Одна – сто тридцать сантиметров, детская. Уже ненужная.

«Ему всегда будет восемь».

Костя закрыл глаза.

И начал подпевать.

4 ноября 2021 года

Александр Иличевский выпустил книгу короткой прозы «Точка росы». В ней соседствуют тексты разных лет и разных мест: из любимого автором Иерусалима читатель переносится в нервную Москву девяностых, из холодного современного Берлина – в жаркий Крым, из Венеции – в Сан-Франциско и от сказочного Каспия – к Мертвому морю. Но даже в самом небольшом рассказе Иличевский остается верен себе – художнику, философу, ученому, писателю, для которого чувства важны не меньше, чем мысли, а стиль не отменяет сюжетной увлекательности. Мы публикуем один из рассказов сборника, вышедшего в издательстве «Альпина.Проза».